

Н. А. Непомнящих

Новосибирск, Россия

**ВАРИАНТЫ СЮЖЕТА
«ПОЕДИНОК ЧЕЛОВЕКА С МЕДВЕДЕМ»
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. САНГИ, А. НЕМТУШКИНА,
Г. КЭПТУКЭ И ДРУГИХ ПИСАТЕЛЕЙ ***

Сюжет встречи охотника с медведем в тайге является распространенным в литературах народов Сибири, что обусловлено как жизненным материалом, который служит сюжетной основой для большинства произведений, так и общностью фольклорного пласта культур многих сибирских народов. Однако до сих пор не было предпринято попыток анализа и сопоставления сходных сюжетов в произведениях авторов – представителей разных национальных литератур: мансийского писателя Ю. Шесталова, нивхского автора В. Санги, нанайского писателя Г. Ходжера и эвенкийской писательницы Г. Кэптукэ. Выявлено несколько вариаций сюжета «поединок человека с медведем» и сопутствующие ему мотивы. Общими мотивами для различных вариантов сюжета являются мотив испытания молодого охотника (удачное / неудачное испытание), а также мотив нарушения старинного обычая на охоте или перед нею, повлекшего неудачный для охотника исход. В целом сюжет о столкновении человека и медведя – один из самых распространенных в этих литературах.

Ключевые слова: сюжет, мотив, поединок человека и медведя, Владимир Санги, Галина Кэптукэ, Григорий Ходжер, Юван Шесталов, нивхская литература, эвенкийская литература.

Сюжет о столкновении человека и медведя в тайге – один из самых распространенных в литературах малочисленных народов Севера и Сибири. Почти у каждого из писателей есть сюжет о поединке человека с медведем. Жизнь в тайге редко обходится без встречи с «таежным хозяином», и у многих народов суще-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Новосибирской области, Проект № 14-14 54001/ 15 «Сюжетно-мотивные комплексы в литературах народов Сибири».

Непомнящих Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; rainbow_miracle@mail.ru)

ствовал культ медведя, считавшегося предком и родственником человека. Так, по свидетельству ученых, древний культ или различные пережитки этого культа имеются у манси, хантов, нанайцев, нивхов, тофаларов, эвенков, эвенов, в мифологии и фольклоре которых медведь традиционно занимает одно из главных мест. Широкая распространенность культа медведя среди народов, принадлежащих к разным языковым группам, была обусловлена географией расселения, сходным бытом, условиями жизни.

Изучению культа медведя посвящены многочисленные работы историков, фольклористов и этнографов [1–6]. Что касается художественной литературы, ситуация здесь несколько иная. Несмотря на то что сюжет о столкновении человека с медведем частотен в произведениях писателей Сибири, – а он встречается у эвенкийских, мансийских, хантыйских, нивхских авторов, – пока не существует обобщающей работы, в которой они были бы рассмотрены и сопоставлены. М. А. Бологова, анализируя сквозные мотивы в творчестве Ю. Рытхэу, выделяет сюжет поединка со зверем, куда входит и сюжет борьбы с медведем. Она относит его к I группе сюжетов «Испытания» (мужские) [7, с. 279]. Встреча с медведем, хотя и не редкость для живущего и охотящегося в тайге человека, в силу смертельной опасности всегда становилась памятной, не раз пересказывалась другим, обрастала подробностями и становилась основой для литературной обработки. Борьба человека со столь грозным хищником всегда носит характер испытания и толкуется как обязательная, необходимая ступень становления молодого охотника.

Сюжет «успешный поединок человека с медведем» в творчестве Владимира Санги

В творчестве Владимира Санги сюжет «поединок человека с медведем» является сквозным: есть он в романах «Женитьба Кевонгов», «Ложный гон», в рассказах «Последняя дань обычаю», «Голубые горы». Обычно это сюжет о целенаправленной охоте на зверя. Как правило, на охоту идут два охотника, один из которых проявляет недюжинную силу и отвагу, другой же, наоборот, ведет себя как трус. Этот вариант сюжета находим в романах «Женитьба Кевонгов», «Ложный гон», рассказе «Последняя дань обычаю». В романе «Женитьба Кевонгов» герой, юноша Ыкилак, должен в силу не совсем справедливых требований доказать, что он сильный и отважный мужчина и может прокормить будущую жену, а форма испытания – убить медведя. Юноша выполняет это задание. В романе «Ложный гон» молодой охотник, который отправляется со старым и опытным охотником в тайгу на зимовку, в первый раз участвует в охоте на медведя и не может вовремя выстрелить от страха. В рассказе «Последняя дань обычаю» молодой герой также должен пройти испытание, по обычаю предков: над ним, выучившимся в далеком городе, постоянно подшучивает близкий родственник, однако на охоте именно «городской» не струсит и одолеет зверя. В рассказе «Голубые горы» молодой герой, над которым в самом начале насмеялся старик, также хочет доказать, что он силен и смел, когда вызывается помочь старику убить медведя, задирающего по ночам оленей.

В «Женитьбе Кевонгов» и в рассказе «Последняя дань обычаю» противостояние с медведем становится не только испытанием для главного героя, но и проверкой для его антагониста. Этот недоброжелатель обычно и является инициатором самой охоты. С письма такого героя начинается рассказ «Последняя дань обычаю»:

«...Медведя убить легче, чем собаку: он большой, в полдома. В него и с закрытыми глазами попадешь. Приезжай. Поохотимся на славу. Тебя приглашает твой ахмалк. Я уже сказал об этом сородичам». Хвастун, нахал и болтун! Понятно, почему он так усердно приглашает. Чувствует, хитрец, что подчёркнутое внимание окружающих – маска. Он хочет поднять себя в глазах односельчан. Он всегда был честолюбив. И в качестве жертвы выбрал, конечно, его, Малуну, представителя рода зятей. Ох, этот обычай! Он гадко переползает через пороги веков и десятилетий. Ахмалк... [8, с. 317].

Главному герою, Малуну, выучившемуся в Ленинграде и собравшемуся на свою малую родину учительствовать, его родственник Закун, тщеславный и хвастливый, уже готовит испытание. На охоту положено идти вдвоем и в случае удачи обоих ждет почет и уважение. Однако Малун чувствует, что родственник хочет его руками добыть хищника, а по приезде наблюдает, что бахвальство и наглость присуши Закуну и проявляются в самых разных ситуациях. Закун, желающий, чтобы Малун, по старинному обычаю, пошел с ним на медвежью охоту, не соблюдает предписанных традициями важных правил: он пренебрежительно отзывается о медведе.

Грубая самоуверенность и надменность – вот чем подавлял Закун окружающих. Они были для него тем же, что сила и клыки для кобеля, делавшие его хозяином на собачьей свадьбе. «...Умора. Тоже выдумали моду. Медведь – это же наимирнейшая тварь и трус...» Малун на минуту задумался. Ещё совсем недавно нивхи говорили о медведе только почтительно. «Мок – добрый» – вот как называли его взрослые при детях, утверждая этим посредничество медведя между землянами и таинственным всемогущим, от которого якобы зависит благополучие людей [8, с. 319].

В ходе подготовки к охоте Закун позволяет себе недопустимые замечания:

...Широкая чугунная сковорода тяжело прокатывается по кускам свинца. Дробный стук разносится далеко окрест.

– Будто мелем кости, – сказал Малун.

– Эй! Не говори так! – вдруг запальчиво крикнул Закун. – Ты же собрался на охоту, а не на игру какою-нибудь. Уйкра (грех. – *Н. Н.*). Но потом спохватился и, оправдываясь, сказал:

– Охотничий обычай так велит.

Малун отметил про себя, что, поменяйся они ролями, Закун использовал бы этот случай для бесконечных насмешек при людях [8, с. 319].

Не только у нивхов, и у эвенков, и у других народов считалось, что о медведе нельзя говорить плохо и неодобрительно. В книге Г. Кэптукэ «Маленькая Америка» дедушка тоже когда-то нарушил один из старинных запретов – похвастался перед охотой, и был наказан медведем, еле выжил после встречи с этим суровым хозяином тайги. Обряд, «дань» которому отдает Малун в рассказе Владимира Санги, очень древний и встречается не только у нивхов. Г. М. Василевич писала о подобной традиции у эвенков следующее: «Бьют медведя чаще всего в берлоге... Обнаружив берлогу, один из охотников готовится к выстрелу, другой, воткнув жердь в отверстие, беспокоит медведя. Стреляли сразу, как только в отверстии покажется голова медведя. Убив, его тут же свежевали. В прошлом медведя свежевал представитель другого рода» [2, с. 168]. Именно так, с этнографической точностью описана охота в «Женитьбе Кевонгов». Соблюдение предписанных обычаев диктовалось многовековым опытом охотников и служило в случае неукоснительного соблюдения гарантией благополучного исхода. Однако сам

Малун вынужден вскоре внести «поправки» в обычай исходя из ситуации – жизнь вносит свои коррективы. Когда увидевший хищника перетрусивший Закун начнет обзывать зверя «дьяволом» и упрашивать при уже обнаруженном звере повернуть назад, Малун впервые нарушит обычаи предков: прикрикнет на представителя рода тестей:

Малун повернулся и пошёл навстречу следу. Закун, сбиваясь, глухо умолял: – Уйдём, пока ничего не случилось. Уйдём подобру-поздорову. Это не медведь. Это сам дьявол.

– Молчи! – вдруг разозлился Малун. Он впервые поднял голос на этого почтенного представителя рода тестей и этим нарушил старый обычай [8, с. 323].

Вместо того чтобы помочь, Закун сбегает, и Малуну в опасной схватке придется справляться в одиночку, проявив невероятное самообладание и смелость. Второй раз охотник позволит себе отступить от обычая при разделке туши убитой медведицы. По обычаю предков, хозяином добычи должен быть Закун. Именно он должен разделить ее между всеми односельчанами. Однако Малуну пришлось самому сражаться с разъяренным зверем – струсивший Закун залез на дерево. И потому истинным хозяином добычи Малун ощущает себя. Ничего не рассказывая о произошедшем сородичам, Малун делит добычу под одобрительные возгласы стариков, говорящих, что он настоящий нивх и не забыл родных обычаев:

Благодарили охотника и непонимающе шептались между собой... А шкура... Она на другой же день висела, прибитая к стене дома Закуна с полуденной стороны. Так велит обычай [8, с. 324].

Моральный груз, давление общественного мнения, обычая герой ощущает постоянно. Уже в день охоты, когда в один из моментов начинает казаться, что зверь уйдет, он ощущает, что «с уходом медведицы будет потеряно больше, чем день, потраченный на утомительную охоту. Ведь весь посёлок знает, что учитель вышел на охоту. Не потерял ли он за долгие годы учёбы в русском городе охотничьи навыки, которые привили ему сородичи ещё в детстве? А главное, этот проклятый груз. Не дать уйти!» [8, с. 323]. В итоге он справляется с испытанием.

Мужчины приглашают Малуну на новую охоту. Он не спит всю ночь, вспоминая случившееся. Его бросает в жар от одних воспоминаний. Если во время охоты он был удивительно спокоен, выдержан, то сейчас не может найти себе места. С утра он сказывается занятым в школе и уезжает из родного поселка, вопреки планам остаться здесь учителем. На этом писатель ставит точку. Малун отдал «последнюю дань обычаю» предков. Однако в итоге осознал, что жить по ним он не хочет и не может. Исполнение обычая заставляет его уехать, а не остаться на малой родине, т. е. вместо того, чтобы жить в соответствии с исконными ценностями, молодой человек отказывается от них и бежит. Результатом успешно пройденного испытания становится не приобщение к традиционной жизни и обществу, а, напротив, бегство от него. Ничего не говорится о том, куда уезжает герой. Однако он, получивший образование в Ленинграде и имеющий опыт соприкосновения с другой культурой, наверняка выберет ее. В пользу такого решения говорит один из эпизодов.

В начале рассказа в сознании героя возникает воспоминание о русских ребятах, сокурсниках, которые проявляли искренний интерес к традиционной культуре нивхов:

Русские ребята особенно любили слушать его рассказы о медвежьих праздниках и нивхские песни. Песни покоряли своей проникновенностью и глубокой лирично-

стью. Друзья просили дать подстрочники, записывали ритмику и переводили на русский [8, с. 317].

Этот научный и житейский интерес, уважительное отношение к нивхским обычаям Малун невольно сравнивает с пренебрежительным и утилитарным отношением Закуна к традициям предков. Закун хочет использовать обычай как повод утолить собственное тщеславие, возвыситься в глазах окружающих.

Когда-то охота и сопровождающие охоту обряды были основой для единения рода. Традиция при разделке туши оделять всех окружающих, традиция вкушать мясо медведя, собрав всех мужчин, женщин и детей на праздник, говорят именно о его исконно родовом и коллективном характере, что неоднократно охарактеризовано этнографами. Помимо того что нельзя было неодобрительно говорить о медведе, существовали определенные обычаи охоты на медведя, которая также являлась отнюдь не рядовым событием: ей предшествовала обязательная и соответствующая традициям длительная подготовка, сам процесс охоты, а также разделки добытой туши были регламентированы. После удачной охоты зачастую устраивался медвежий праздник с обязательным почтительным захоронением некоторых медвежьих внутренних органов и костей. Подробно этот обряд был описан Г. М. Василевич [9]. Но в рассказе старинный обычай не выполняет своих прежних функций: охота не объединяет двух родственников, а разъединяет. Один из персонажей, в котором изначально сомневались, становится героем, другой проявляет трусость, злобу и демонстрирует недостойное поведение.

Точно такой же поворот принимает сюжет в романе «Женитьба Кевонгов». Так, Лидяйн в то время, пока Ыкилак боролся с медведем, сбежал и прятался за деревьями:

Опомнился Лидяйн лишь тогда, когда взобрался на следующий склон. Как же так, ведь медведь бросился за ним! Наверное, отстал. Вот как он умеет быстро бегать! Подожду немного, ему лезть на сопку, а мне сверху удобнее, я и встречу его копьём. Но где же он? Или убежал? А может, Ыкилак убил? Ыкилак-то? Скорее медведь размозжил ему голову. А Хиркун? И его задавил медведь? Или все-таки... Лидяйн заставил себя вернуться к берлогу. Хиркун и Ыкилак сидели на валежине, молча курили трубку, передавая ее друг другу. У их ног лежал медведь. Лидяйн от стыда не знал, куда деваться [10, с. 134].

Братья не сказали придумавшему это испытание трусу Лидяйну ни одного плохого слова, не стали рассказывать, как он себя повел, никому. Настоящие герои в книгах Санги обычно немногословны. Они умеют делать свое дело, а интриги, хитрости не для них. Поэтому люди подлые и злые одерживают над ними житейские победы. Так и не женится на Ланьгук доказавший свою состоятельность, смелость и силу Ыкилак, вопреки всем правилам ему будет предложено еще одно испытание – поединок с соперником. Уставший после противоборства с медведем, в этой «дуэли» он проиграет. Подобная ситуация повторяется в рассказе «Последняя дань обычаю». Малун ведет себя благородно: победив в неравной схватке медведицу, он ни словом не обмолвится, что вынудивший его идти на эту охоту и дразнивший его Закун в решающий момент струсил, залез на дерево и слез лишь тогда, когда с хищником было покончено.

В «Женитьбе Кевонгов» трагичность финала определяется неоднократным нарушением обычая. Успешно прошедший испытание юноша, тем не менее, так и не получает уготованную ему по родовым исконным обычаям невесту. Девушка, которой герой симпатичен, пытается бежать вслед за ним, но безуспешно. Рушится основание традиционного патриархального мира. Рушится по воле самих людей, и нравственное разрушение предшествует разрушению физическому. Фи-

нальные строки романа – это возглас отца: «Что же произошло, люди! Что случилось в этом мире? Что случилось лю-ю-юди?» [10, с. 160]. Вопрос риторический и трагический одновременно.

В нивхских сказках [11] встречается сюжет охоты двух братьев на медведя. Однако в них нет мотива трусости одного из них на охоте, не раз повторяющегося у Санги. Примечательно, что в его произведениях герои не рассказывают своим сородичам о недостойном поведении труса. Возможно, такое поведение было нехарактерным, не было принято, табуировано и не нашло отражения в нивхских сказках, где чаще антагонистом человека является либо чудовище, принявшее вид медведя или другого человека, либо злой дух. Зато широко известен благодаря басне Л. Н. Толстого сюжет встречи с медведем двух товарищей, когда один из них струсил, а другой – нет. И тот, второй, не струсивший, потом указывает трусу на то, что «плохие люди те, что в опасности от товарищей убегают» [12, с. 228]. Эти краткие рассказы из толстовских книг для чтения переводились на национальные языки народов Сибири, а также использовались в качестве учебных текстов при изучении русского языка. Басни Толстого по структуре, сюжетам, простоте изложения очень сходны с устным фольклорным творчеством народов Сибири, они органично вписывались в круг первоначального чтения на русском языке и потому могут рассматриваться в качестве возможных источников некоторых литературных сюжетов.

В книгах Санги показано, как личное сознание начинает сопротивляться родовому, традиционному, коллективному и общепринятому порядку: Малун не может жить рядом с Закуном, который подвел на охоте, а значит, подведет и в жизни. Теперь, когда выживание больше не является основной целью, которой служила родовая организация общества, личные качества выдвигаются на первый план. Литература с ее приматом личности, индивидуального сознания и авторского творчества делает акцент именно на разрыве традиционного векового уклада, опиравшегося на род и коллектив, с новой реальностью, где каждый в ответе за себя сам.

Иногда поединок с медведем выступает в связке с другим мотивом – незаконченного противоборства со зверем в прошлом, когда охотник изрядно пострадал от ушедшего медведя, а спустя годы вновь неожиданно встречает того самого зверя, узнав его по особым оставшимся с тех пор отметинам. В «Голубых горах» старик Курлан во второй раз должен вступить в схватку с хозяином тайги: когда-то он не смог убить медведя, задравшего его лучшего ездового оленя, медведь изрядно «помял» охотника, но и сам лишился когтя на лапе. Именно по этой отметине – по следам лапы без когтя, узнает этого зверя, вновь повадившегося таскать оленя из стада, Курлан. Он стар и не хочет вступать в бой с сильным хищником. Однако молодой охотник Хакун вызывается помочь ему и старик соглашается. Дело в том, что старик однажды прилюдно пристыдил молодого парня, который нес с охоты гусей:

По главной улице возвращался из лесу молодой рыбак Хакун. Через его плечо тяжело свисали три гуся. Охотник шёл бодро, шёл так, будто не исходил за день десятки километров. И когда проходил мимо Курлана, его остановил резкий окрик хозяина:

– Как тебе, здоровенный хор (олень, бык-производитель. – *Н. Н.*), не стыдно уничтожать невинную птицу? Что, по-твоему, она для того и облетела полсвета, чтобы попасть в твой ненасытный желудок?! Если каждый болван убьёт по три гуся, то их скоро вовсе не останется на земле. Тоже сыскался охотник! Храбрец! Нашёл кого расстреливать. Тебе бы ломать хребты медведям. Их в лесу не меньше, чем собак в нашем селении. Иди, бей их!

Парень сник. Он поспешно завернул в переулок и исчез в воротах дома [13, с. 309–310].

И вот теперь парень пришел к старику, чтобы предложить помощь в охоте на медведя и восстановить свою репутацию. Несговорчивый старик соглашается, и они идут на хищника вместе. В результате огромный грозный медведь убит, однако раны, которые зверь успел нанести старику, оказываются смертельными:

Древние нивхи утверждают, что на самой высокой горе обитает Пал-ызнг – хозяин гор. Медведи – его собаки. Охотники, павшие в схватке с медведями, не просто умирают. Их забирает к себе Пал-ызнг, и они превращаются в пал-нивнгун – горных людей, самых счастливых людей, и покровительствуют живущим сородичам. Интересно, какое там счастье? Что-то тяжёлое подступило к горлу, перехватило его. – Вынесите меня на воздух, – еле слышно произносят горячие губы.

О! Как много света! Небо то синее, то красное. Веером разбегаются по нему длинные разноцветные лучи. Что это?

А горы? О, горы голубые! Они такие голубые, какими никогда ещё не были. Высокие они и голубые. Голубые-преголубые.

Не видел их вблизи. Не был там... [13, с. 315].

Подводя итог можно сказать, что в книгах В. Санги поединок становится ключевым событием, именно в нем проявляется истинная сущность человека: участие в поединке выявляет как лучшие, так и худшие человеческие качества. Родовой обычай, как и прежде, является испытанием для человека, но проходят это испытание отнюдь не все. Смысл испытания также меняется. Если раньше соблюдение обычая диктовалось суровыми условиями выживания в тайге, то теперь, соблюдение его диктуется лишь исторической памятью и традицией, а результат испытания становится личной индивидуальной характеристикой человека, а не показателем готовности его к брачной жизни и гарантией выживания рода. Эти изменения в сознании и поведении людей в новых условиях жизни как раз и зафиксированы в книгах Санги.

Нарушение старинных обычаев как причина неудачи в поединке с медведем

С медведем связаны некоторые устойчивые и повторяющиеся у разных народов поверья: так, у нивхов, эвенков и других народов считалось, что о медведе нельзя говорить плохо и неодобрительно. Зачастую люди пользовались различными специальными словами, заменяющими название медведя, и эта традиция отчасти жива до сих пор [2; 5; 9]. Люди верили, что за нарушение этого запрета медведь может покарать охотника. В книге «Маленькая Америка» эвенкийской писательницы Галины Кэптукэ в главе «Дедушка уезжает умирать в Сквородино» в числе прочего дедушка рассказывает о своей давнишней встрече с медведем в тайге, отвечая на расспросы, почему и как он ослеп:

Сам я виноват. Слишком уверен в себе был, нарушил старый запрет эвенков не хвалиться, не вызывать на поединок хозяина леса. Мои хвастливые слова дошли до его ушей, вот он и подстерег меня. Медведь, внученька, хоть и медведь, а уши имеет, говорят издавна эвенки. А уши-то у него особенные, находятся в лопатках. В лопатках у медведя есть дырочки: в каждой по одной. Это и есть те особенные уши, которыми он слышит всё, что говорят о нем люди. Медведь наполовину человек [14, с. 28].

Дедушка пересказывает то, что для любого эвенка когда-то было совершенно очевидным: медведя нельзя ругать, а также нельзя охотнику хвастаться перед охотой, иначе зверь услышит, и удачи не будет. Дедушка только и сказал, что вот бы медведя встретить да опробовать свое хорошее новенькое ружье, а тесть тут же ему указал на напрасность подобных слов. Исходя из поверий, охотник повел себя очень неосмотрительно, за что и поплатился: на тропе, по которой он ехал на олене притаился медведь, сшиб охотника с оленя, лапой прошелся по лицу. Но это еще не все. Была и вторая встреча с хозяином леса, гораздо более страшная. Во второй раз, когда медведь выскочил на него в тайге, дедушке пришлось бороться с ним. Он успел лишь один раз выстелить и ранить зверя, чем разозлил его еще больше. Поваленный на землю охотник никак не мог выхватить нож, который эвенки обычно носили за спиной, выставленная вперед винтовка была тут же переломлена сильным зверем. Спасло дедушку лишь то, что он начал громко кричать и просить прощенья у медведя за свои прежние хвастливые слова. Потом шаман Содорчан предсказал умиравшему от ран охотнику долгую жизнь. По примете эвенков, если раненый медведь погибал, то ранившего его охотника ждала долгая жизнь [9]. Так и случилось в этот раз: мертвого медведя нашли неподалеку. Дедушка с благодарностью вспоминает шамана, сумевшего вселить в него волю к жизни, сказал, что будет видеть одним оставшимся глазом, ведь на тот момент дети были еще маленькими, он должен был кормить семью.

Подобный эпизод есть и в первой части «Конец большого дома» трилогии найского писателя Григория Ходжера «Амур широкий». Охотник также поплатился за свое хвастовство:

В шалаше вместе с раненым жили еще двое охотников. На расспросы доктора один из них сердито ответил: «Поменьше надо языком болтать!» Другой со смехом рассказывал: «Сам он дурак. Вернулся вечером и говорит: нашел берлогу. Пригласил нас. А сам сел перед очагом и начал болтать: на один суп медвежьего мяса отнесет теще, два ребра – дяде, жирный кусок – брату. Так он делил мясо медведя, который лежал в берлоге и слушал его болтовню. Когда пришли к берлоге, он забыл, где она находилась. Мы сели покурить, а он отошел от нас на двадцать шагов, и тут медведь выскочил из берлоги, разорвал ему рот. Хорошо, язык не вырвал... [15].

Рану этого охотника зашил русский доктор, завоевав успешным лечением доверие местного населения. Этот небольшой эпизод нужен, чтобы показать положительные стороны героя Василия Ерофеевича, доктора. С одной стороны, он носит характер ироничной охотничьей байки, с другой – весьма показателен. Рассказ о нарушении старинного запрета становится похож на басню с моралью. Охотник, бахвалившийся своей будущей добычей, пострадал весьма странным образом: доктор отмечает, что руки-ноги и бока у него целы, а вот на лице – царапины от когтей, а главное – порван рот. Для местных охотников это как раз не удивительно, они подшучивают над хвастуном, говоря, что тому теперь придется всю жизнь «с зашитым ртом ходить».

У мансийского писателя Ювана Шесталова в «Хозяине тайги» также описан схожий эпизод. Старик вспоминает, как собирались охотники однажды на медведя:

Старшие называли его почтительно. Ни одного худого слова о нем. Тихо собирались охотники. Шумел лишь один молодой охотник, Яковом его звали. Он хвалился своей смелостью, а хозяина тайги ни во что не ставил. Старики просили его быть поскромнее. Но он не слушался, как вьюга... [16, с. 271].

Охота была удачной, но...

Дальше всех, в стороне под ветвистой елью, стоял Яков. Никого не тронул сын хозяина Верхнего мира – Нуми-Торума, а Якова отыскал и с головы его, буйной и хвастливой, снял кожу с волосами. Но кровь за кровь! В сердце хозяина тоже торчали копыя [16, с. 271].

Рассказы о нарушении законов тайги, старинных поверий и обычаев, за которыми следовала неудача, становились нравоучительными историями, передающимися из уст в уста. Соблюдение норм, выработанных не одним поколением, если и не гарантировало охотнику стопроцентную удачу, то хотя бы заранее предостерегало от неосмотрительного, несерьезного поведения на смертельно опасной охоте, где жизнь и смерть обычно зависят от скорости реакции, от доли секунды. В литературу подобные рассказы вошли как вставные рассказы в форме баек, пересказов разных «случаев», они бывают необходимы для характеристики отдельных персонажей, являются указанием на их опытность, на авторитетность их слова в изображаемом кругу лиц.

Сюжеты поединка с медведем, имеющие метафорическое значение

Кроме сюжетов охоты на медведя, имеются и другие сюжеты, в которых человек и медведь тем или иным образом взаимодействуют. Примечательно, что в литературе совсем не отражены широко распространенные в мифологии и фольклоре брачные мотивы, связанные с медведем. Зато в качестве сюжетной основы некоторых рассказов привлекаются описания некоторых обрядов, связанных с культом медведя. Так, среди различных ритуалов, связанных с культом медведя, существовал обряд «борьбы мальчика с медведем» на Медвежьем празднике, подробно описанный В. Г. Василевич [2; 9]. Поединок носил символический характер: «обряд производился после коллективной трапезы, когда мясо медведя было съедено. Кости, очищенные от мяса, складывали по порядку расположения в скелете на ветки, ветки соединяли, перевязывали с обоих концов, и с этим пучком боролся мальчик 5–7 лет. Борьба оканчивалась победой: мальчик хватал «медведя» и бросал его на землю. Он боролся как с костями, завязанными в пук, так и с головой, которую заворачивали, подобно костям, в ветки. После пук с костями головы насаживали на ствол лиственницы, кости «вешали» – клали на ветку у ствола» [2, с. 167]. Этот обряд с точностью до деталей описан в книге Алитета Немтушкина «Мне снятся небесные олени».

В главе «Звонкое лето» подробно рассказывается о Медвежьем празднике, которым была ознаменована удачная охота. В один из моментов праздника старик подзывает маленького мальчика Армачу, главного героя книги, и предлагает ему сразиться с медвежьей головой:

– Армача! Где Армача? Иди сюда! – смущенного растерянного парнишку вывели на середину круга. – Ну, сынок, не подведи. Ты должен стать кормильцем своей бабушки, померяйся силами с хозяином тайги. Будет ли он бояться тебя? Не стесняйся, тут все свои. Разве ты не хочешь стать удачливым охотником, кормильцем своей бабушки? [17, с. 55].

Мальчик вступает в борьбу с черепом убитого медведя, она лишь непосвященному может показаться слишком легкой. На самом деле «тальниковые прутья сплетены были так, что уронить его было невозможно». Зрители подбадривают мальчика, дают советы и, наконец, ему удается положить голову медведя набок

и прижать коленом к земле. Раздаются одобрительные возгласы: «Из тебя выйдет настоящий охотник!» [17, с. 55]. Мальчик остался сиротой, живет с бабушкой, которой трудно справляться с несвойственными для женщин охотничьими обязанностями: она расставляет ловушки на мелких зверьков, чтобы как-то прокормить себя и внука. Ребенок понимает это, хочет скорее повзрослеть. Окружающие тоже видят непростую ситуацию, чем и мотивируется участие в поединке на празднике именно Армачи. В первой части главы рассказывается, как Армача и другой мальчишка, взяв без спросу ружье, охотились на уток, им даже удалось подстрелить птицу, однако в процессе охоты они чуть не попали из ружья друг в друга и очень испугались. Это происшествие противопоставлено участию ребенка в обряде: теперь у него все должно сложиться хорошо, он будет истинным охотником с одобрения старших.

В повести «Маленькая Америка» Г. Кэптукэ описан другой символический эпизод о поединке эвенкийского шамана и чужого колдуна, «синсесина»:

Однажды один синсесин поспорил с шаманом. Поспорил и говорит:

– Сейчас я тебе змея своего покажу-принесу.

– Давай, – говорит наш шаман.

Что синсесину стоит: откуда ни возьмись, змей перед шаманом возник. А шаман? Медведя, помощника своего, позвал. Тут же медведь появился. А медведи-то змей едят. Схватил тут синсесин змею свою да за пазуху спрятал. Бойтся, что медведь проглотит. Вот так победил наш шаман синсесина [14, с. 117].

Здесь медведь участвует в поединке совершенно другого характера. Он является по зову шамана как подчиненная ему сила, помогая одолеть чужих духов. В этом эпизоде явственно видно, что для эвенков медведь – не только и не столько опасный зверь, сколько дух-заступник, и, как говорит другой герой повести, он «родственник человека», требующий к себе уважительного и почтительного отношения. По форме данный рассказ представляет собой литературную обработку былички – одного из устных фольклорных жанров несказочной прозы.

* * *

Среди рассмотренных вариантов сюжета поединка с медведем предметом анализа по большей части стали те сюжеты, в которых охотник встречается с медведем в тайге и противостоит ему. Для человека это столкновение – всегда испытание, и не только на прочность, зрелось, физическую выносливость и силу, но и на верность обычаям предков, мужество, порядочность, честность. Обычно это испытание становится важной, переломной вехой в судьбе героя. Зачастую столкновение человека и медведя актуализирует, заставляет вспомнить древние поверья, связанные с медведем, их нарушение также может существенно повлиять на судьбу героя и, в конечном счете, на сюжет произведения в целом.

Сюжетный корпус младописьменных и новописьменных литератур включает как сюжеты, уходящие корнями в мифологию и фольклор, так и сюжеты новые, появившиеся в результате слома традиционного образа жизни народов Сибири в XX в. Первый вариант сюжета о поединке с медведем, выявляющем личностные качества человека, как раз относится к сюжетам новым, переосмысляющим традиционные фольклорные источники и обычаи в целом. Устные рассказы об охоте на медведя (несказочная проза в форме быличек, семейные и охотничьи рассказы о случаях на охоте) становятся источником для второго и третьего вариантов сюжета.

Важно отметить, что в произведениях с данным сюжетом нет каких-то специфических отличий, обусловленных характером той конкретной национальной

культуры, носителем которой является автор, поскольку, как только речь заходит о медведе, он неизбежно попадает в общее, единое для многих народов Сибири тематическое поле, а повторяемость и ограниченная вариативность «медвежьих» мотивов и сюжетов задана как жизненным материалом, так и едиными мифологическими и фольклорными источниками. Доля авторской интерпретации их невелика. Лишь у В. Санги разрабатывается отличающийся от фольклорных источников вариант сюжета. Немаловажно также, что все рассмотренные произведения написаны на русском языке, т. е. являются рассказом (в широком смысле) о жизни народов Сибири, их обычаях, традициях для широкого круга читателей, с описываемыми реалиями не знакомых. Потому определенный набор мотивов и сюжетов приобретает в книгах разных авторов характер «обязательного», репрезентирующего читателю важные ценности, значимые сущности и типические черты родной культуры, но их общая история, мифология, фольклор, находя отражение в литературных произведениях, создают эффект многократного повтора, мультипликации, а подчас и «единого текста».

Преобладающая бытовая основа сюжеттики произведений писателей народов Сибири во многом предопределяет типологический характер их сходства, подчас стирая грани между конкретными текстами и сюжетными реализациями, повторяя общие для всех народов Сибири мотивы, образы. Именно совокупностью всех названных обстоятельств обусловлен тот факт, что в литературах народов Сибири сюжет о поединке человека с медведем является одним из самых частотных и воспроизводится в книгах самых разных писателей.

Список литературы

1. *Бурькин А. А.* Мифологические рассказы о медведе у народов Северо-Восточной Азии и Северной Америки // Сибирская заимка. Языки и фольклор. URL: <http://zaimka.ru/ethnography/burykin10.shtml> (дата обращения 05.12.2014).
2. *Василевич Г. М.* О культуре медведя у эвенков // Религиозные представления и обряды у народов Сибири и Севера. Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1971. Т. 27.
3. *Кернер Ф.* Медведь в обрядах перехода // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. С. 49–66. URL: <http://otorten.ru/kerner-perehod.html> (дата обращения 02.02.2014).
4. *Рассадин В. И.* О культуре медведя у тофаларов // Новые исследования Тувы. 2013. № 3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_19/6481-rassadin.html (дата обращения 23.01.2015).
5. *Сагалаев К.* Медвежий праздник современных казымских хантов // Традиции и инновации в современном фольклоре народов Сибири: Сб. науч. ст. и материалов / Отв. ред. Г. Е. Солдатова. Новосибирск: Арта, 2008. 135 с.
6. *Соколова З. П.* Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // Этнос и культура. 2002. № 1. С. 41–58.
7. *Бологова М. А.* Повторяющиеся мотивы в художественной системе Ю. Рытхэу // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы. Новосибирск, 2012.
8. *Санги В.* Последняя дань обычаю // У истока. М.: Современник, 1981. С. 316–327.
9. *Василевич Г. М.* Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков // Религиозные представления и обряды у народов Сибири и Севера. Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1971. Т. 17.
10. *Санги В.* Женитьба Кевонгов // У истока. М.: Современник, 1981. С. 9–161.
11. *Нивхские мифы и сказки.* М., 2010.

Непомнящих Н. А. Варианты сюжета «поединок человека с медведем»

12. Толстой Л. Н. Два товарища // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1957. Т. 21: Новая азбука и книги для чтения. 1874–1875.
13. Санги В. Голубые горы // У истока. М., 1981. С. 309–316.
14. Кэптукэ Г. Маленькая Америка. М., 1991.
15. Ходжер Г. Конец большого дома // Электронная библиотека детективов. URL: <http://detectivebooks.ru/book/download/21180211/> (дата обращения 01.02.2015).
16. Шесталов Ю. Хозяин тайги // Юван Шесталов. Когда качало меня солнце. Синий ветер каслания. Владимир Санги. Женильба Кевонгов. Ложный гон. Свердловск, 1987.
17. Немтушкин А. Мне снятся небесные олени. М., 1982.

N. A. Nepomnyaschikh

Novosibirsk, Russian Federation

**THE VERSIONS OF THE «MAN – BEAR COMBAT» PLOT
IN THE WORKS OF V. SANGI, A. NEMTUSCHKIN, G. KEPTUKE
AND OTHER WRITERS**

Some typical recurrent plots such as a plot of human – bear interaction are characteristic to the literatures of the Native Siberians. A plot of a combat between a man and a bear is present at the works of almost all Siberian writers. This is due both to the circumstances of life in the taiga where it is difficult to avoid a meeting with that animal and to the folk-lore traditions. Many Siberian peoples worshipped the bear; the bear was considered to be an ancestor to the human. The Mansi, Khanty, Nanai, Nivkh, Tofalar, Even, and Evenk people celebrated the special bear festival. The bear cult is supposed to be very ancient. The fact that it is common for the people belonging to the different language groups is due to the similarity in their way of living determined by the similar geographic factors. The article discusses two versions of the «man – bear combat» plot. The first version is typical to V. Sangi's writings. It considers a combat as an ordeal which is successfully overcome by a character. G. Keptuke's book gives another version of the plot. A character is maimed in a combat because of his conceit and violation of an ancient custom. The plot describing an encounter of a man with a bear is one of the most common in the works of Siberian writers.

Keywords: plot, motif, a combat between a man and a bear, Nivkh literature, Evenk literature.

Nepomnyaschikh Natalia A. – Candidate of Philology, a Leading Scientist of the Philology Research, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, rainbow_miracle@mail.ru)